

Что Солженицын не молчит — факт, казалось бы, более чем очевидный: еженедельные выступления по первому каналу телевидения, свежие журнальные публикации — «Труд», кстати, недавно писал о них. Я уж не говорю о памятной речи в Государственной Думе, развернутой и суповой, вызвавшей большой резонанс в прессе и — практически никакой реакции властей. А ведь Александр Исаевич говорил о вещах важности первостепенной... Словом, Солженицын не молчит — да и когда он молчал! — но есть, оказывается, и другое мнение.

Предпоследний номер «Литературной газеты», автором которой я имею честь быть вот уже двадцать лет, вышел с крупным заголовком на первой странице: «Солженицын молчит...» Это «открытое письмо великому русскому писателю» известного публициста Ольги Чайковской — письмо страстное, жесткое, но при этом не только корректное по отношению к адресату (чего ох как недостает многим нынешним критикам Солженицына), но и исполненное глубочайшего уважения. Эпитет «великий» — это, верю я, не просто полемический ход, сразу же резко подымющий уровень разговора (согласно справедливой формуле: с великого человека и спрос велики), а выражение истинного отношения к творцу «Одного дня Ивана Денисовича» и «Архипелага ГУЛАГ».

Речь в письме идет о Чечне. Вернее, о реакции Солженицына на чеченские события — О.Чайковской она представляется недостаточно, мягко говоря, активной.

Вчера, когда этот номер готовился к печати, вышла «Литературная газета» с ответом Александра Исаевича своему оппоненту. Было б грешно (и смешно!) делать это за него, и уж тем более смешно лезть в непрошенные защитники нобелевского лауреата. Взяться за перо меня побудило другое. А именно: подходы к тяжелейшей чеченской проблеме, подходы принципиально разные, выявившиеся, с одной стороны, в позиции Солженицына, а с другой — в позиции Чайковской.

Если Александр Исаевич говорит о том, «как нам обустроить Россию» (помните, сколь огромным событием стало появление этой работы?), то Ольга Георгиевна печется о том, как нам «обустроить» Чечню. Я понимаю ее пафос, понимаю ее гнев и боль — мороз продирает, когда читаешь приведенные ею в письме факты, — но дело в том, что обустроить Чечню, не обустроив Россию, невозможно. Не заживающая какой уж месяц чеченская рана — это как страшная трофи-

ческая язва; такие язвы, как известно, вызываются не локальными причинами, а болезнью всего организма. И чтобы избавиться от них, надо лечить не внешние проявления, не только и не столько их (хотя, разумеется, местная терапия необходима), а весь организм.

короткий срок сказочно разбогатеть, ничего не произведя. Ни материальных, ни интеллектуальных, ни уж тем более художественных ценностей. Когда страна, процитируем еще раз Александра Исаевича, «осталась без всякого порядка и, естественно, начала разминаться всеми чле-

Александр Солженицын ответил на него. Ответил во всеуслышание, с высокой думской трибуны — выше некуда. Первым произнес слово, от которого вздрогнула Россия.

Слово это — олигархия. И сказано оно было, обратите внимание, буквально в канун чеченс-

их, естественно, остался гласом вопиющего в пустыне.

Но это еще не все. С Сахалина, который считается одним из самых опасных в сейсмическом отношении районов земного шара, убрали все, кроме одной, сейсмические станции. Что настолько лишило специалистов не только возможности более оперативно предсказать смертоносный толчок — а это наверняка бы уменьшило число жертв, — но и, когда тряхнуло, определить точную силу удара.

Почему убрали станции? Да потому же, почему закрывают профилактории и санитарно-гигиенические учреждения, детские сады и музыкальные школы: нет средств. Куда же они делись разом — в такой огромной, такой богатой стране? Ну как куда, не испарились бесследно — пошли на особняки во Флориде для «новых русских». На белопарусные яхты в Средиземноморье для наших оборотистых соотечественников. На игру в монтекарловских казино, где наши удальцы оставляют нераспечатанные пачки долларов.

А вот для сейсмостанций денег нет. Как нет их для зарплаты учителям и связистам, врачам и метеорологам... Я хочу сказать, что та самая рука, которая преступно оставила в Чечне оружие, стол же преступно убрала с Сахалина сейсмические станции. Рука отнюдь не безымянная, и имя это Солженицын назвал: олигархия.

Повторю: рассматривать чеченские события в отрыве от всего, что происходит в стране, — это все равно что лечить трофическую язву, не вскрыв причин ее появления.

Но нам не до серьезного лечения. Нам не до бесстрашных и квалифицированных диагнозов. Другим озабочены. Другим пугаем себя и мир: возвращением, реставрацией коммунизма. Ничего удивительного! «Во всякой революции повторяется эта ошибка: не продолжения боятся, а реставрации».

Это опять Солженицын, статья о Февральской революции, но сказанное можно с полным правом отнести и к революции нынешней. Что же касается «продолжения», которого по-настоящему-то и следует бояться, то это «продолжение» того порядка вещей, который привел к трагедии в Чечне, к трагедии в Нефтеюргске, к трагедии...

Остановимся. «Развязка еще впереди». Так заканчивается работа Солженицына, обнародованная в самый разгар чеченских событий.

А вы говорите, Солженицын молчит! Не молчит — имеющий уши да услышит.

Руслан КИРЕЕВ.

Со своей колокольни

«Труд» — 1995 — 8 июня. С. 5

Солженицын не молчит...

Вот только кто его слушает?

Это-то и пытается делать Солженицын — в своих телевизионных выступлениях, в своих рассказах и статьях. Такой системный, широкозахватный подход присущ всему его творчеству — вспомните эпопею «Красное колесо» с ее «узлами» («узел первый», «узел второй»...) или фундаментальный, не имеющий аналогов труд о ГУЛАГе.

А сколько подготовительной либо сопутствующей работы осталось за рамками окончательного текста! Параллельно «Марту семнадцатого» были написаны три статьи, увидевшие свет только что. Предваряя их публикацию, автор пишет: «...Читая их сегодняшними глазами, нельзя не удивляться, сколько предупреждений о возможных вероятных ошибках, промахах и даже государственных преступлениях содержит здесь для нашей сегодняшней зыбкой обстановки — при нашей накаленной партийной политичности, лишенной исторического зрения и предвидения».

Под этими словами стоит дата: 1995 год — год, навсегда заклейменный кровавым тавром чеченской катастрофы.

«Кто же мог ожидать, что же бы взялся предсказать, что самая мощная империя мира рухнет с такой непостижимой быстротой?» Сказано это Солженицыным применительно к февралю Семнадцатого, но весьма актуально, согласитесь, звучит и сегодня.

Теперь, кажется, признали все, что стремительный крах СССР принес неисчислимые бедствия (Чечня — самое большое из них) и — никаких благ. Но буквально не единого... Разве что для президентов и депутатов, которым несть числа. Они лишь и выиграли. Они — да еще те, кто, пользуясь обвалом державы, сумел в

нами, — теперь они должны были поворачиваться как на пожаре, — но такими скоростями и такой сообразительностью не владели они.

Они — это власти предержащие. Стержневая мысль солженицынских статей о Февральской революции, предопределившей неизбежность революции Октябрьской, — это мысль о пагубном для страны бездействии государства и его первых лиц в ситуации, когда бездействие не просто опасно, но преступно. Именно такая ситуация сложилась у нас в последнем десятилетии уходящего века, но — принципиальное уточнение! — сложилась не в конце прошлого года, когда российские танки начали палить по российским домам, а много раньше, в эпоху безудержной раздачи... ну ладно, сувениров, но ведь еще и оружия. Которое потом стреляло по присланым опять же Москвой российским парням.

Ольга Чайковская о парнях пишет, и пишет проникновенно, но почему-то ни слова не говорит об оружии. Будто в Грозном его доставили чартерным рейсом из Америки...

Не знаю, произошла ли узурпация власти Дудаевым — сдается мне, он ее попросту поднял, валяющуюся в пыли, как в свое время подняли ее большевики, но вот что **утраты** власти имела место — факт вряд ли оспоримый. Утраты!

Кто же, спрашивается, подхватил эту самую власть, по природе своей не любящую оставаться бесхозной? Вопрос, без сомнения, центральный (на Ленине не модно ссылаться нынче, но Ильич-таки был прав, настаивая, что вопрос о власти — это главный вопрос), — да, главный, и

них событий, в преддверии их, в предвидении, в бессильной, увы, попытке остановить надвигающуюся беду. Большие писатели нутром чувствуют подобные вещи...

И что же? А ничего! Если не считать, что имя отважного дигноста стали трепать те, кто именует себя демократами и кто сейчас так отчаянно (и так, надеюсь я, искренне) критикует вдохновителей и исполнителей чеченской войны. Будто война эта выросла на пустом месте, а не имеет могучего, глубоко уходящего корня.

Так вот, говоря об олигархии, Солженицын как раз смотрел в корень. Не вдаваясь в географические детали, предсказал с болью в сердце большую кровь не только в Чечне, но и... Вас удивит, что я назову сейчас этот в одночасье ставший трагически знаменитым город, но я все-таки назову его и, пожалуйста, не всуе. Солженицын предсказал кровь не только в Чечне, но и в Нефтеюргске... Сейчас, когда я пишу эти строки, из-под обломков все еще достают трупы людей.

Вы спросите, какая связь между Чечней и Сахалином? Между разнуданным военным шабашем и слепым коварством природы? Связь есть.

Прежде всего и там, и здесь беда грянула не столь уж внезапно — даже на Сахалине. Возможность разрушительного землетрясения была предсказана. Директор Института сейсмологии Г. Соболев еще 26 февраля сказал в интервью, что в ближайшие месяцы тряхнет — и тряхнет сильно — на Камчатке и Сахалине. Тогда же ученыe провели выборочную проверку жилого фонда, нашли его не надежным и призвали власти срочно укрепить здания. Глас

298